

Сергей Михайлович Соловьев

История России с древнейших времен. Том 3

Сергей Михайлович Соловьев
История России с
древнейших времен. Том 3
Серия «История России с
древнейших времен», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171953

История России с древнейших времен. Книга II. 1054-1462: АСТ, Фолио;

М.; 2001

ISBN 5-17-001031-1

Аннотация

Третий том сочинений С. М. Соловьева «Истории России с древнейших времен». Он освещает политическую жизнь и строй русского общества от смерти Ярослава I до княжения Дмитрия Иоанновича Донского (1362–1389).

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

61

Сергей Соловьев
История России с
древнейших времен. Том
3. От смерти Ярослава I до
взятия Дмитрия Иоанновича
Донского (1362–1389)

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ
РУССКОГО ОБЩЕСТВА
ОТ СМЕРТИ ЯРОСЛАВА I
ДО СМЕРТИ МСТИСЛАВА
ТОРОПЕЦКОГО (1054–1228)

Значение князя. – Титул. – Посажённые князя. – Круг его деятельности. – Доходы княжеские. – Быт князей. – Отношения к дружине. – Дружина старшая и младшая. – Войско земское. – Вооружение. – Образ ведения войны. – Число

войск. — Богатыри. — Земля и волость. — Города старшие и младшие. — Новгород и Псков. — Вече. — Особенности новгородского быта. — Внешний вид города. — Пожары. — Народонаселение города. — Погосты и станы. — Слободы. — Сельское народонаселение. — Количество городов в областях. — Препятствия к увеличению народонаселения. — Торговля. — Монетная система. — Искусство. — Домашний быт. — Борьба язычества с христианством. — Распространение христианства. — Церковное управление. — Материальное благосостояние церкви. — Деятельность духовенства. — Монашество. — Законодательство. — Народное право. — Религиозность. — Довверие. — Семейная нравственность. — Состояние нравственности вообще. — Грамотность. — Сочинения св. Феодосия Печерского, митрополита Никифора, епископа Симона, митрополита Иоанна, монаха Кирика, епископа Луки Жидаты, Кирилла Туровского. — Безыменные поучения. — Поучение Владимира Мономаха. — Путешествие игумена Даниила. — Послание Даниила Заточника. — Поэтические произведения. — Слово о полку Игореве. — Песни. — Летопись.

При обозрении первого периода нашей истории мы видели, как племена соединились под властью одного общего главы или князя, призванного северными племенами из чужого рода. Достоинство князей Русской земли остается исключительно в этом призванном роде; в X веке новгородцы говорили Святославу, что если он не даст им князя из своих сыно-

вей, то они выберут себе князя из другого рода; но после мы не слышим нигде подобных слов. Члены Рюрикова рода носят исключительно название князей; оно принадлежит всем им по праву происхождения, не отнимается ни у кого ни в каком случае. Это звание князя, приобретаемое только рождением от Рюриковой крови, неотъемлемое, независящее ни от каких других условий, равняет между собою всех Рюриковичей, они прежде всего братья между собою. Особенное значение, связанное с княжеским родом, ясно выражается в летописи: в 1151 году киевляне не могли помешать неприятелям переправиться через Днепр по Зарубскому броду потому, говорит летописец, что князя тут не было, а боярина не все слушают. «Не крепко быются дружина и половцы, если с ними не ездим мы сами», – говорят князя в 1125 году. Когда галицкий боярин Владислав похитил княжеское достоинство, то летописец говорит, что он ради княжения нашел зло племени своему и детям своим, ибо ни один князь не призрел детей его за дерзость отцовскую. По княжескому уговору князь за преступление не мог быть лишен жизни, как боярин, а наказывался только отнятием волости. Олег Святославич не хотел позволить, чтоб его судили епископ, игумены и простые люди (смерды). Братья приглашают его в Киев: «Приезжай, говорят они, посоветуемся о Русской земле пред епископами, игуменами, пред мужами отцев наших и пред людьми городскими». Олег отвечает: «Неприлично судить меня епископу, либо игуменам, либо смердам». Из

этих слов опять видно, что все остальное народонаселение (исключая духовенство) в отношении к князю носило название смердов, простых людей, не исключая и дружины, бояр, ибо Олег и мужей отцовских и людей городских означает общим именем смердов. В этом же значении слово *смерды* сменяется выражением: *черные* люди; так, северские князья во время знаменитого похода на половцев говорят: «Если победим и сами спасемся, а черных людей оставим, то грех нам будет их выдать».

Князь был общее, неотъемлемое название для всех членов Рюрикова рода. Старший в роде князь назывался великим; но сначала в летописи мы встречаем очень редко этот титул при имени старшего князя; обыкновенно он придается только важнейшим князьям и то при описании их кончины, где летописец обыкновенно в украшенной речи говорит им похвалы. Ярослав I называется великим князем русским; здесь слово «русский» однозначительно с «всероссийский», князь всея Руси, потому что Ярослав по смерти брата Мстислава владел за исключением Полоцка всеми русскими волостями. После Ярослава названием великого князя величается сын его Всеволод, внук Мономах, правнук Мстислав, сыновья и внуки последнего, но все только при описании кончины. Рюрик Ростиславич называется великим князем при жизни и тогда, когда он не был еще старше всех на Руси, не сидел еще в Киеве; из этого можно заключить, что название «великий князь» употреблялось иногда просто из учтивости,

от усердия пишущего к известному князю, не имело еще постоянного, определенного смысла. Но если в южной летописи мы так редко встречаем название «великий князь», то в Северной Руси оно начинает прилагаться постоянно к имени Всеволода III и сыновей его, державших старшинство; здесь даже это название употребляется одно без собственного имени для означения Всеволода III. Великими князьями всея Руси названы Мономах при описании его кончины и Юрий Долгорукий при описании кончины Всеволода III: первый с достаточным правом; второй, как видно, — из особенного усердия северного летописца к князьям своим. В одном месте летописи, в похвале Мономаху и сыну его Мстиславу, слово «великий» поставлено позади собственных имен их; так же не раз поставлено оно позади имени Всеволода III, но один раз явно для отличия его от другого Всеволода, князя рязанского.

Мы видели, каковы были отношения старшего князя к младшим; видели, что старший, если он был только названным, а не настоящим отцом для младших, распоряжался обыкновенно с ведома, совета и по договору с последними, отсюда понятно, что когда князь избавлялся от родичей, становился единовластителем, то вместе он делался чрез это и самовластителем в стране; вот почему слово «самовластец» в летописи употребляется в значении «единовластец»; так, сказано про Ярослава I, что по смерти брата своего Мстислава он стал самовластец в Русской земле. Для означения

высшей власти, также из большей учтивости и усердия относительно князей употреблялись слова: «царь, царский»; так, Юрий Долгорукий говорит племяннику Изяславу: «Дай мне посадить сына в Переяславле, а ты седи, *царствуя* в Киеве», т. е. «а ты владей Киевом спокойно, независимо, безопасно, не боясь никого и не подчиняясь никому». Говоря об епископе Феодоре, летописец прибавляет, что бог спас людей своих рукою крепкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, *царскою* правдивого, благоверного князя Андрея. Когда после Рутского сражения воины Изяславовы, нашедши своего князя в живых, изъявили необыкновенную радость, то летописец говорит, что они величали Изяслава как царя. Даниил Заточник пишет к Юрию Долгорукому: «Помилуй меня, сын великого царя Владимира». Жена смоленского князя Романа причитает над гробом его: «Царь мой благий, кроткий, смиренный!» Употребляются выражения: «самодержец» и греческое «кир». В изустных обращениях к князьям употреблялось слово «господин» или чаще просто «князь», иногда то и другое вместе.

При спорности прав, при неопределенности отношений новый старший князь иногда нуждался в признании и родичей, и горожан, и пограничного варварского народонаселения от них ото всех приходили к нему послы с зовом идти на стол. Первым знаком признания князя владеющим в известной волости было посажение его на столе; этот обряд считался необходимым, без него князь не был вполне князем

и потому к выражению «вокняжился» прибавляется: «и сел на столе». Это посажение происходило в главной городской церкви, в Киеве и Новгороде у св. Софии. Для указания того, что князь садился на стол по законному преемству, принадлежит к роду княжескому и не изгой в этом роде, употреблялось выражение: «сел на столе отца и деда». Признание князя сопровождалось присягою, целованием креста: «Ты наш князь!» – говорили присягавшие. Когда родовое право князя было спорное, когда его признанию предшествовало какое-нибудь особенное обстоятельство, изменить или поддержать которое считалось нужным, то являлся ряд, уговор; так, видим уговор о тиунах с Ольговичами, Игорем и Святославом по смерти старшего брата их Всеволода. По смерти Изяслава Мстиславича брат его Ростислав был посажен в Киеве с уговором, чтоб почитал дядю своего Вячеслава как отца; ряд и целование креста назывались *утверждением*. Ряды по тогдашним отношениям бывали троякие: с братьею, дружиною, горожанами.

Князь и в описываемый период времени, как прежде, заботился о строе земском, о ратях и об уставе земском. Он сносился с иностранными государями, отправлял и принимал послов, вел войну и заключал мир. О походе иногда сам князь объявлял народу на вече; мы видели, как во время уособицы Изяслава Мстиславича с дядею Юрием киевляне сначала не могли решиться поднять рук на сына Мономахова, старшего в племени, после чего Изяслав должен был

ограничиться одними охотниками, людьми себе преданными; в Новгороде замечаем такие же явления; вообще народонаселение очень неохотно брало участие в княжеских усобицах. Князья обыкновенно сами предводительствовали войском, редко посылали его с воеводами; кроме личной отваги, собственной охоты к бою, мы видели и другую причину тому: без князя полки бились вяло, боярина не все слушались, тогда как значение воеводы тесно соединялось со значением князя. Старшему, большому князю считалось неприличным предводительствовать малым отрядом; так, однажды берендеи схватили за повод коня у киевского князя Глеба Юрьевича и сказали ему: «Князь, не езд; тебе прилично ездить в большом полку, когда соберешься с братьею, а теперь пошли кого-нибудь другого из братьи». Для молодых князей считалось почетом ездить с передовым полком, потому что для этого требовалась особенная отвага. Право рядить полки перед битвою принадлежало старшему в войске князю, и сохранялось еще предание, что добрый князь должен первый начинать битву; в старину маленького Святослава первого заставили бросить копье в древлян, в описываемое время Изяслав Мстиславич и Андрей Боголюбский первые въезжали в неприятельские полки.

Князю принадлежало право издания судебных уставов: после Ярослава сыновья его – Изяслав, Святослав, Всеволод с пятью боярами (тысяцкими) собрались для сделания некоторых изменений в судном уставе отцовском; Владимир

Мономах с боярами установил закон о резах, или процентах; здесь можно видеть разницу в княжеских отношениях, когда старшим был брат и когда был отец остальным князьям; Изяслав для перемены в уставе собирается с братьями, а Мономах не имеет нужды созывать сыновей, которые во всяком случае обязаны принять устав отцовский; при нем видим только Иванка Чудиновича, черниговского боярина (Олгова мужа), быть может, присланного принять участие в деле от имени своего князя. Князю по-прежнему принадлежал суд и расправа; во время болезненной старости Всеволодовой до людей перестала доходить княжая правда; Мономах между другими занятиями князя помещает *оправливание* людей; летописец, хваля князя Давыда смоленского, говорит, что он казнил злых, как подобает творить царям. Для этого оправливания, суда и расправы князья объезжали свою волость, что называлось ездить, быть на *полюдьи*. Князь из числа приближенных к себе людей и слуг назначал для отправления разных должностей, в посадники, тиуны и т. п.; он налагал подати.

Доходы казны княжеской состояли по-прежнему в данях. Мы видели, что покоренные племена были обложены данью: некоторые платили мехами с дыма, или обитаемого жилища, некоторые по шлягу от рала; встречаем известия, что и во времена летописца подчиненное народонаселение платило дань, возило повозы князьям, что последние посылали мужей своих по областям для сбора дани: так, Ян Вышатич при-

ходил за этим от князя Святослава на Белоозеро; так, Олег Святославич, овладев землею Муромскою и Ростовскою, посадил посадников по городам и начал брать дани. В уставной грамоте смоленского князя Ростислава епископии смоленской (1150 г.) говорится, что в погостах каждый платит свою дань и передмер, также платят *истужники*, по силе, кто что может, и с княжества Смоленского сходило дани более 3000 гривен; кроме дани в грамоте Ростиславовой упоминается *полюдье* и *погородие*. Известно также, что киевский князь получал дань из Новгорода. Другими источниками дохода для казны княжеской служили пошлины торговые, судные, для старшего князя дары от младших, наконец, доходы с частной собственности, земель, князьям принадлежавших. Эта частная собственность, вероятно, произошла вследствие первого занятия, населения земель пустых, никому не принадлежавших; потом средством приобретения была купля; о купленных князьями слободах прямо свидетельствует летопись под 1158 годом; наконец, источником приобретения могло служить отнятие земель у провинившихся бояр и других людей: когда, например, один князь изгонял из волости другого, то отбирал у бояр последнего их имущество. При общем родовом владении князя, разумеется, имели частную собственность, разбросанную в разных волостях: отец раздавал сыновьям села свои без всякого соответствия столам, на которых они должны были сидеть, тем более, что столы эти не были постоянные; можно думать также, что в опи-

сываемое время при общем родовом владении князя не уговаривались, как после, не приобретать земель куплею в чужих волостях. На землях, принадлежавших князьям в частную собственность, они могли строить города и отдавать их детям в частную же собственность: так, думаем, Владимир Мономах, построивши Городец Остерский на своей земле, отдал его в частную собственность младшему сыну Юрию, и тот владел им, будучи князем суздальским; так, Ростислав Мстиславич, князь смоленский, получил от деда или отца в частную собственность земли или доходы в Суздальской области; так, Ярополк Изяславич, княживший в Турове и на Волыни, имел разные частные волости даже около Киева и отдал их все при жизни в Печерский монастырь.

Земли, составлявшие частную собственность князей, были населены челядью; здесь-то, на этих землях князья устраивали себе дворы, где складывалось всякого рода добро. На путивльском дворе Святослава Ольговича было семьсот человек рабов, кладовые (скотницы), погреба (бретьяницы), в которых стояло пятьсот берковцев меду, 80 корчаг вина; в сельце у Игоря Ольговича был устроен двор добрый, где много было вина и меду и всякого тяжелого товара, железа и меди, на гумне было 900 стогов. Большие стада составляли одно из главных богатств княжеских: под Новгородом Северским неприятели взяли у Ольговичей 3000 кобыл и 1000 коней. Значение этих земель, дворов, запасов для князей показывает их название: *жизнь*. «Братья! – говорит Святослав

Ольгович Давыдовичам, — землю вы мою повоевали, стада мои и братние взяли, жито пожгли и всю жизнь погубили!» Изяслав Мстиславич говорил дружине о черниговских князьях: «Вот мы села их пожгли все и жизнь их всю, а они к нам не выходят; так пойдем к Любечу, там у них вся жизнь».

Взглянем теперь на жизнь князя русского в описываемое время, от дня рождения до смерти. При рождении младенца в семье княжеской давалось ему одно имя славянское или варяжское, которое называлось *княжим* именем, а при святом крещении другое, по греческим святцам; первое употреблялось преимущественно; оба давались в честь кого-нибудь из старших родственников, живых или умерших; этот обычай употреблялся относительно младенцев обоего пола. Есть известие, что при самом рождении князю назначалась волость, город; давалась ли эта волость из частной собственности князя-отца, или новорожденный считался князем этой волости, города и менял его впоследствии по общему племенному и родовому распорядку, — решить нельзя. Восприемниками при купели бывали князья-родичи. Лет двух, трех, четырех над младенцем мужеского пола совершался обряд — *постриги*, то есть первое стрижение волос, сопровождаемое церковным благословением, посадением малютки на коня и пирами в отцовском доме; иногда постриги делались в именины постригаемого, иногда постригали двух князей разом. Для воспитания князей употреблялись по-прежнему кормилицы; о воспитании княжен встречается в летописи следу-

ющее известие под 1198 годом: «Родилась дочь у Ростислава Рюриковича и назвали ее Ефросиньей, прозванием Изморagd, то есть дорогой камень; приехал Мстислав Мстиславич (Удалой) и тетка ее Передслава, взяли ее к деду и бабке, и так воспитана она была в Киеве на Горах». Участвовали в походах и рассылались по волостям князя очень рано, иногда пяти, семи лет. Женили князя сыновей своих также вообще довольно рано, иногда одиннадцати лет, дочерей иногда выдавали замуж осьми лет; вот описание свадьбы дочери Всеволода III, Верхуслavy, выходявшей за Ростислава Рюриковича, княжившего в Белгороде: «Послал князь Рюрик Глеба, князя туровского, шурина своего с женою, Славна тысяцкого с женою, Чурыню с женою и других многих бояр с женами к Юрьевичу великому Всеволоду, в Суздаль, вести дочь его Верхуславу за сына своего Ростислава. На Борисов день отдал великий князь Всеволод дочь свою Верхуславу и дал за нею бесчисленное множество золота и серебра и сватов одарил большими дарами и отпустил с великою честью; ехал он за милою своею дочерью до трех станов, и плакали по ней отец и мать, потому что была она им мила и молода: только осьми лет; великий князь послал с нею сына сестры своей Якова с женою и иных бояр с женами. Князь Рюрик, с своей стороны, сыграл сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси, пировали на ней с лишком 20 князей; снохе же своей дал много даров и город Брягин; Якова свата и бояр отпустил к Всеволоду в Суздаль с великою честью, одарив-

ши их богато». Из этого известия, как из многих других, мы видим, что браки устраивались родителями брачущихся; видим, что лица, употреблявшиеся для переговоров, посылаемые за невестою от женихова отца и провожавшие невесту со стороны ее отца, назывались *сватами*; отец невесты снабжал ее золотом и серебром, *давал за нею* или *по ней*, что ясно указывает на приданое, тогда как свекор давал снохе дары и город для ее содержания; что княгини имели города, видно и из других мест летописи; в некоторых небогатых волостях упоминаются у княгинь только села; княжны, не выходявшие замуж, оставшиеся в волостях отцовских или братних, имели также села.

Князья вступали в брак преимущественно в своем роде, в седьмой и даже шестой степени родства, в шестой и пятой степени свойства; вступали в родственные союзы с соседними владетельными домами: скандинавскими, англосаксонским, польским, чешским, венгерским, византийскими, очень часто с ханами половецкими; иногда наши князья брали жен из прикавказского народа ясов; наконец, женились на дочерях бояр (новгородских) и даже выдавали дочерей своих за бояр. Мы видели, что у князей Святополка Изяславича и Ярослава галицкого были незаконные сыновья, которых отцы ничем не хотели отличать от законных. Если князья в первый раз женились рано, то во второй брак вступали иногда очень поздно: так, Всеволод III женился вторично слишком 60 лет. Встречаем известия о разводах князей

по случаю болезни жены и желания постричься в монахини.

О занятиях взрослого князя, сидевшего на столе, можно получить понятие из слов Мономаха к сыновьям: «Не будьте ленивы ни на что доброе: прежде всего не ленитесь ходить в церковь; да не застанет вас солнце на постели: так дельывал мой отец и все добрые мужи. Возвратясь из церкви, надобно садиться думать с дружиною, или людей *оправливать* (творить суд и расправу), или на охоту ехать, или так поехать куда, или спать лечь: для спанья время от бога присуждено — полдень». Охота составляла любимое препровождение времени князей; по словам Мономаха, он вязал руками в пущах диких лошадей, охотился на тура, на оленя, на лося, на вепря, на медведя, на волка (лютого зверя); охотились и на зайцев, ловили их тенетами; Мономах говорит, что он сам держал весь наряд в ловчих, сам заботился о соколах и ястребах. Князья отправлялись на охоту на долгое время, забирали с собою жен и дружину; охотились в лодках по Днепру, из Киева ходили вниз по этой реке до устья Тясмина (до границ Киевской и Херсонской губерний), Игорь Святославич в плену у половцев утешался ястребиною охотою; в Никоновском списке о Всеволоде новгородском говорится, что он любил играть и утешаться, а людей не управлял, собрал ястребов и собак, а людей не судил.

Из летописных известий видно, что князья три раза в день садились за стол: завтракали, обедали, ужинали; час завтрака, обеда и ужина определить нельзя, можно видеть только,

что обедали прежде полуден; это будет понятно, если вспомним, что вставали до свету и скоро после того завтракали: при описании Липецкой битвы говорится, что князь Юрий прибежал во Владимир о полудни, а битва началась в обеднюю пору (в обед год); в полдень уже ложились спать. Князья по-прежнему любили пировать с дружиною. Кроме дружины, они угощали иногда священников: так, летописец говорит, что князь Борис Юрьевич угощал в Белгороде на сеннице дружину и священников; Ростислав Мстиславич в великий пост, каждую субботу и воскресенье сажал за обедом у себя 12 чернецов с тринадцатым игуменом, а в Лазареву субботу сзывал на обед всех монахов киевских из Печерского и других монастырей; в обыкновенное время угощал печерскую братию по постным дням, середам и пятницам; в летописи называется это утешением. Большие пиры задавали князья при особенных торжественных случаях: на крестинах, постригах, имянинах, свадьбах, по случаю приезда других князей, причем гость и хозяин взаимно угощали и дарили друг друга по случаю восшествия на престол; так, в Никоновском списке читаем, что Всеволод Ольгович, седши в Киеве, учредил светлый пир, поставил по улицам вино, мед, перевару, всякое кушанье и овощи. Мы видели, что князья иногда сзывали к себе на обед всех граждан, и граждане давали обеды князьям; князья пировали также у частных людей: так, Юрий Долгорукий перед смертию пил у Осьменика Петрила. Большие пиры задавали князья по случаю ду-

ховных торжеств, освящения церквей: так, Святослав Всеволодович по освящении Васильевской церкви в Киеве на Великом дворе созвал на пир духовный митрополита, епископов, игуменов, весь святительский чин, киевлян. На пирах у князей обыкновенно играла музыка. Хоронили князей немедленно после смерти, если не было никаких особенных препятствий; так, например, Юрий Долгорукий умер 15 мая, в среду на ночь, а похоронили его на другой день, в четверг. Родственники, бояре, слуги умершего князя надевали черное платье и черные шапки; когда везли тело князя, то перед гробом вели коня и несли стяг (знамя); у гроба становили копьё; после похорон князя родственники его обыкновенно раздавали богатую милостыню духовенству и нищим: так, Ростислав Мстиславич по смерти дяди Вячеслава роздал все его движимое имение, себе оставил только один крест на благословенье. Ярослав галицкий сам перед смертью роздал имение по монастырям и нищим. Родственники, бояре, слуги и народ плакались над гробом князя, причитали похвалы умершему; похвала доброму князю в устах летописца состояла в следующем: он был храбр на рати, почитал, снабжал, утешал духовенство, раздавал щедрую милостыню бедным, любил и уважал дружину, имения не щадил для нее; особенною заслугою выставляется также верность клятве, соблюдение телесной чистоты, правосудие, строгость к злым людям, бесстрашие пред сильными, обижаящими слабых. Об одежде князей можем иметь понятие

из картины, приложенной к известному Святославову Сборнику: здесь Святослав и сыновья его, Глеб и Ярослав, представлены в кафтанах немного ниже колена; кафтан у Святослава зеленый и свех него корзно синее с красным подбоем, застегнутое на правом плече красною запоною с золотыми отводами; у сыновей кафтаны малинового цвета и золотые пояса с четырьмя концами. Воротники, рукава у молодых князей, подол у ярославова кафтана и края святославова корзна наведены золотом; подол святославова и глебова кафтанов красный; у маленького Ярослава от шеи до пояса золотая обшивка с тремя поперечными золотыми полосами; сапоги у Святослава зеленые, у Ярослава красные, у обоих востроносые. На молодых князьях высокие синие шапки с красными наушниками и зеленоватым подбоем (если только не принимать этого подбоя за особенную нижнюю шапку); на Святославе шапка не так высокая, желтоватого цвета, с синими наушниками и темно-красною опушкою; на маленьком Ярославе синяя, не очень высокая. Святослав и Роман с усами без бород. На княгине покрывало, завязанное под бородою; верхняя одежда красного цвета с широкими рукавами, с широкою желтою полосою на подоле и с золотым поясом, видны рукава нижней одежды с золотыми поручами; башмаки золотые.

Отношения князя к дружине оставались в главных чертах прежние. При Ярославе произошел новый набор дружины, но при сыновьях его уже начались усобицы, перемеще-

ния князей из одной волости в другую; легко понять, как такой порядок вещей должен был действовать на положение дружины. Дружинники должны были или переезжать вместе с князьями из одной волости в другую или, оставаясь в прежней, вступая в службу нового князя, ждать, что старая дружина последнего, которая приедет с ним из прежней волости, займет первое место: в княжение Всеволода Ярославича и племянника его Святополка мы видим ясные указания летописца на подобные отношения старой и новой дружины при перемене князей. Таково было неприятное положение дружины и при бесспорных сменах князей; но каково же было ее положение при борьбах, усобицах, когда один князь силою выгонял другого из волости? Тогда дружина побежденного князя по необходимости должна была бежать с ним из прежнего города в другой какой-нибудь, уступая место дружине победителя. Таким образом, вследствие перемещений княжеских и дружина не могла получить оседлости. От 1051 до 1228 года мы встречаем в летописи полтора десятка имен дружинников; из этого числа не наберем и пятнадцати таких, которых отчества указывали бы нам, что это сыновья прежде известных лиц, да и здесь исследователи руководствуются по большей части одними предположениями: вероятно, может быть, что такой-то Лазаревич был сын известного прежде Лазаря. Потом из этого количества имен мы наберем едва шесть примеров, чтоб дружинник служил после отца сыну, и, с другой стороны, не более шести приме-

ров, чтоб дружинники оставались в одних и тех же волостях; наконец, встречаем не более двух примеров наследственности сана тысяцкого в одних родах.

Понятно, что при такой неоседлости дружине трудно было во все это время вступить в прочные, непосредственные отношения к волостям, получить важное первенствующее земское значение в качестве постоянных, богатейших землевладельцев, в качестве лиц, пользующихся наследственно правительственными должностями; бояре по-прежнему оставались боярами князей, а не боярами княжеств, действовали из личных выгод, тесно связанных с выгодами того или другого князя, но не из выгод сословных. Действия дружины имели значение, силу, когда ее выгоды совпадали с выгодами города, волости; так случилось в Киеве по смерти Всеволода Ольговича; в Ростовской области по смерти Боголюбского; здесь, во втором примере, бояре действуют против младших Юрьевичей в пользу Ростиславичей, по согласию с ростовцами, но дело решается не в их пользу вследствие особых отношений новых городов. При этом надобно заметить также, что с самого начала у нас на Руси вследствие размножения членов княжеского рода управление сколько-нибудь значительными волостями и городами переходит к князьям-родичам, а не к боярам, которые по этому самому теряют возможность приобрести важное значение в качестве областных правителей: это важное значение остается за князьями же. Исключение составляют галицкие бояре: Галицкая

волость, ставши особым владением Ростиславичей, князей, исключенных из старшинства в роде Ярославовом, по этому самому не переменила князей своих; с другой стороны, не дробилась на мельчайшие волости в племени Ростиславичей, потому что Владимиру удалось избавиться от всех родичей и стать единовластителем в Галиче; единовластие продолжалось и при единственном сыне его Ярославе. Вследствие этого боярам галицким была возможность установиться в стране, получить важное земское значение в качестве богатых землевладельцев и областных правителей: вот почему влияние дружины в Галиче на дела страны оказывается таким исключительным; сколько-нибудь сильного участия городов в событиях, происходивших по смерти Романа Великого, не замечаем, хотя народонаселение их вообще питало привязанность к молодому Даниилу. Прибавим сюда еще влияние быта соседних Галичу государств. Польского и Венгерского.

Но если так част и так необходим был переход дружины из одной волости в другую и от одного князя к другому, то легко понять, что не было возможности для точного определения отношений ее к князю; дружинник имел полную свободу переходить из службы одного князя в службу другого: каждый князь принимал его с радостью, ибо каждый нуждался в храбрых дружинниках; переход был легкий для дружинника и во всех других отношениях, потому что Русская земля сохраняла свое единство, равно как и род княжеский, следовательно дружинник, переходя от одного князя к дру-

тому, не изменял чрез это нисколько ни Русской земле, ни роду княжескому, владевшему ею нераздельно. Князья не могли условиться не допускать этого перехода, потому что очень редко случалось, чтоб все они находились в мире и добром согласии между собою, а при первой усобице дружинникам открывался свободный путь для перехода от одного враждебного князя к другому: так, в силу обстоятельств обычай перехода скоро должен был превратиться в право, и после в княжеских договорах мы увидим, что князья обязываются не препятствовать переходу дружинников: «А боярам между нами и слугам вольным – воля». Существовало ли такое условие в княжеских договорах описываемого времени, или подразумевалось, как естественное и необходимое, и явилось только после при ослаблении родовой связи между князьями, обособлении княжеств – решить нельзя по неимению княжеских договорных грамот из описываемого периода; мы знаем одно только, что такие грамоты существовали в это время. Хороший князь, по современным понятиям, не отделял своих выгод от выгод дружины, ничего не щадил для последней, ничего не откладывал собственно для себя; жил он с нею в братском, душевном кружку, не скрывал от нее имения, не таял дум своих, намерений: «Князь! – говорит дружина Мстиславу Изяславичу, – тебе без нас нельзя было ничего ни замыслить, ни сделать, а мы все знаем твою истинную любовь ко всей братии». А Владимиру Мстиславичу дружина говорит: «Ты сам собою это,

князь, замыслил, так мы не едем за тобою, мы ничего не знали». Из тона летописи видно, что не нравилось, когда князь имел одного любимца, которому открывал свои думы, скрывая их от остальной дружины: так, рассказывая о дурном поступке Святослава Всеволодовича с Ростиславичами, летописец говорит: «Святослав посоветовался с княгинею да с Кочкарем, любимцем своим, а лучшим мужам думы своей не объявил». Князь почти все время свое проводил с дружиною: с нею думу думал, на охоту ездил, пировал; в житии св. Феодосия читаем, что когда князь Изяслав хотел ехать к преподобному, то распускал всех бояр по домам и являлся в монастырь с одним малым отроком: это рассказывается как исключение из обычая. При таких близких отношениях бояр к князю естественно ожидать, что советы их и внушения не оставались без следствий в распрях и усобицах княжеских: в деле ослепления Василька летописец прямо обвиняет известных бояр Давыдовых; не раз попадаетея известие, что князь поступил дурно, послушавшись злых советников; если дружинник по неудовольствию оставлял одного князя и переходил к другому, то, конечно, не мог содействовать приязни между ними. Мстислав Изяславич отпустил от себя двоих бояр, братьев Бориславичей, *озлобив*, по выражению летописца, потому что холопи их покрали княжеских коней из стада; Бориславичи перешли к Давыду Ростиславичу и начали ссорить его с Мстиславом. Вследствие таких отношений встречаем в летописи известие, что при княжеских догово-

рах и бояре целовали крест — добра хотеть между князьями, честь их беречь и не ссорить их.

По-прежнему встречаем различие между старшею и младшею дружиною. Когда Святославу Ольговичу дали знать о смерти брата Игоря, то сказано, что он созвал дружину свою *старейшую* и объявил ей об этом. Всеволод III послал сказать племяннику Мстиславу Ростиславичу: «Брат! если тебя привела дружина старейшая, то ступай в Ростов». Но старейшая дружина в этом же самом рассказе переводится словом: *бояре*. В противоположность старшей встречаем название младшая дружина; так, Изяслав Мстиславич говорит брату Владимиру: «Ступай вперед на Белгород, а мы все отпускаем с тобою дружину свою *младшую*», младшая дружина называется также просто: *молодь, молодые, молодые люди*, продолжает носить название *гридей, гридьбы*. Члены старшей дружины, бояре, были по преимуществу княжескими думцами, советниками; но встречаем известие, что иногда князья сзывают на совет бояр и всю дружину свою. В состав дружины входила также собственная прислуга князя, жившая постоянно при нем, в его доме, дворце, это так называемые *отроки, детские, пасынки*, которые, естественно, разделялись опять на старших и младших, или меньших. Таким образом, дружина состояла из трех частей: *бояр, гридьбы и пасынков*: летописец говорит, что Мстислав Ростиславич, приехавши в Ростов, собрал *бояр, гридьбу и пасынков*, и всю дружину. Третий отдел дружины, служня, слуги княжеские, живущие

при нем в доме, на севере начинают носить название двора, дворян; естественно, впрочем, ожидать, что в противоположность городovým полкам под именем дворян разумелась и вся дружина, все княжеское войско. Бояре имели свои дома в стольном городе княжеском, имели свои села; какого рода были эти села, кроме отчин, получали ли дружинники поместья от князей – ничего неизвестно. Кроме стольного города дружина (преимущественно, думаем, младшая) жила также по другим городам, где отряды ее составляли засады или гарнизоны, жила и по селам своим; после каждого похода дружина распускалась. Княжеские слуги жили при дворе; но могли также чередоваться службою, имея на стороне свои дома. Бояре имели около себя в походе свою служню, своих отроков.

Из бояр князь назначал тысяцких; что же касается до посадников, то они могли быть назначаемы и из детских. Тиуны княжеские и боярские имеют прежнее значение. Из должностей служебных в доме, дворе княжеском встречаем название *ключников*; на их должность указывает следующее известие: когда Ростислав Мстиславич похоронил дядю своего Вячеслава, то, созвавши бояр последнего, тиунов и ключников, велел принести перед себя все имение покойного князя. *Покладник*, по всем вероятностям, соответствовал позднему *спальнику*. Звание *конюший*, *стольник*, *меченоса* объясняются из самых слов. Упоминаются *мечники*; *кощеи*, которых, производя от слова *кош*, можно принять за обозную

прислугу; упоминаются *седельники*, название которых указывает на их занятие; и кощеи и седельники находились при войске во время похода; седельники жили, как видно, целыми селениями в известных местах. В Новгородской летописи под 1181 годом встречаем название: *кметство* для лучших ратников, ибо это название в некоторых списках переводится чрез: мужи *доброименитые*. Мономах говорит, что он взял в плен живыми пятерых князей половецких и иных *кметий* молодых пятнадцать.

По-прежнему находим в летописи ясные указания на различие между дружиною и полками, собираемыми из остального народонаселения, городского и сельского; *дружина* отличается от *полка*. Вячеслав Владимирович говорит племяннику Изяславу: «Дружина моя и полк мой будут у нас с тобою общие»; Ярослав галицкий говорит киевскому боярину об отце своем: «Полк его и дружина его у меня»; хотя, разумеется, слово «полк» сохраняет и свое общее значение войска, точно так же как и дружина; и, с другой стороны, полк имеет значение известного отдела в войске. Киевские полки резко отличаются от княжеских дружин в рассказе о битве Изяслава Мстиславича с дядею Юрием под Киевом: «Вячеслав и Изяслав, не входя в город, раскинули стан перед Золотыми воротами: Изяслав Давыдович стал между Золотыми воротами и Жидовскими, Ростислав с сыном Романом перед Жидовскими воротами, Борис городенский у Лядских ворот, а между князьями стали киевляне на конях и пеши»;

тут же говорится, что Вячеслав и племянники его послушались дружины, киевлян и черных клобуков. На участие сельского народонаселения в походах указывают прямо известия летописи о сборах Мономаха и Святополка на половцев; дружина говорила, что весною не время идти в поход, ибо для этого нужно отнять поселян (смердов) и лошадей их от полевых работ; Мономах отвечал на это: «Странно мне, что вы поселяя и лошадей их жалеете, а об том не подумаете, как весною начнет поселянин пахать лошадыю и приедет половчин, ударит поселянина стрелою, а лошадь его возьмет себе». Если бы кто-нибудь задал вопрос: как участвовали поселяне в походах, для чего, собственно, употреблялись здесь они и лошади их? – то на этот вопрос не может быть ответа по недостатку свидетельств; приведем только одно известие, что во время войны Мстислава торопецкого с младшими сыновьями Всеволода III последние погнали на войну и «из поселей», как сказано в летописи. В летописи же читаем, что Изяслав Мстиславич и в Киеве, и в Новгороде на вече объявлял о походе; было ли это постоянным обычаем – утверждать нельзя. Как выходили граждане на войну, это видно также из слов бояр Изяславовых, которые звали киевлян в поход от имени князя: «Теперь, братья киевляне, ступайте за мной к Чернигову на Ольговичей, собирайтесь все от мала до велика, у кого есть конь, тот на коне, а у кого нет коня, тот пусть едет в лодке». Из этого и из многих других известий видно, что ополчение состояло из конницы (копей-

щиков) и пехоты (стрельцов); встречаем названия: кони *поводные*, т. е. употребляемые под верх, и *товарные*, обозные, также кони *сумные*; стрельцы обыкновенно завязывали дело, когда главная масса войск, копейщики, еще не вступали в битву. Во время похода оружие везли на возах; оружие состояло из броней, шлемов, щитов, мечей, копий, сабель, стрел, киев, сулиц, ножей-засапожников, рогатин, оскепов и топоров, топоры бывали с паворозою: в Слове о полку Игореву щиты называются красными (червлеными); шлемы были с острым верхом и с железным забралом или личиною в виде полумаски. Для защиты щек и затылка к шлему прикреплялась кольчужная железная сетка, застегивавшаяся запоною у шеи. Употреблялись знамена, или стяги, также трубы и бубны. Не только оружие везли на возах, но и сами ратники ехали на них же; кроме возов с оружием должно думать, что войско сопровождали обозы с съестными припасами: по крайней мере есть известие, что иногда припасы эти возили на лодках по рекам; но есть также и не одно известие, что князья, вступая в неприятельскую землю, посылали для сбора съестных припасов: это называлось *ехать в зажитие*, а люди, посылаемые для такого сбора, — *зажитниками*. В ожидании битвы ратники надевали брони; но пред Липецкою битвою Мстислав Удалой дал новгородцам на выбор: сражаться на конях или пешком; те отвечали, что не хотят помирать на лошадях, но хотят биться пеши, как бились отцы их на Колакче, и, сбросив с себя порты и сапоги, по-

бежали босые на неприятеля. Князья устроивали войско, говорили речи; войска располагались по-прежнему тремя отделениями: большой полк, или чело, и два крыла; но в описываемое время упоминается и передовой полк, или *перед*, упоминается и сторожевой полк, или *сторожье*, который давал знать главному полку о месте пребывания и движения неприятеля. При бегстве неприятеля победители бросались на стан его, одирали мертвых; о дележе добычи встречаем одно известие, что Мстислав Удалой, взявши дань на чуди, две части ее отдал новгородцам, третью дворянам своим. Встречаем известие об укрепленных станах: так, пред Липецкою битвою младшие Всеволодовичи обвели свой стан плетнем и насовали кольев; был обычай также огораживаться засеками: так, сказано об Ярославле Всеволодовиче черниговском, что он стал под своими лесами, засекшись от неприятеля; в станах находились *шатры* и *полстницы*: в рассказе о взятии рязанских князей Всеволодом III говорится, что великий князь, поздоровавшись с ними, велел сесть им в шатре, а сам сел в полстнице; также в рассказе об убиении рязанских князей родичами читаем, что убийца Глеб скрыл вооруженных слуг и половцев в полстнице близ шатра, где должны были пировать жертвы его.

И в описываемое время войска переправлялись иногда по рекам; так, под 1185 годом встречаем известие, что Святослав Всеволодович плыл в лодках Десною из Новгорода Северского в Чернигов; встречаем даже известие о речной бит-

ве на Днепре между войсками Изяслава Мстиславича и дяди его Юрия, когда Изяслав *дивно исхитрил* лодки, по выражению летописца: видны были одни только весла, а гребцов было не видать, потому что лодки были покрыты, ратники стояли на этих крышках в бронях и стреляли, кормчих было два, один на носу, другой на корме, и куда хотели, туда и шли, не оборачивая лодок. Походы преимущественно совершались зимою: это будет понятно, если вспомним состояние страны, покрытой множеством рек и болот, через которые зима прокладывала ледяные мосты и таким образом облегчала путь; князья обыкновенно спешили окончить поход до того времени, как начнут таять снега и разливаться реки. Кроме затруднительности дорог против незимних походов могли говорить также причины, приводимые дружиною Мономаху против весеннего похода на половцев: нужно было отрывать земледельцев от работ в поле. Пространство пути считали днями, например, под 1187 годом Рюрик Ростиславич говорит Ярославу черниговскому: «Весть ны правая есть, аж вежи половецкия восе за полъдне, ты мене деля пойди до полудня, а аз тебе деля еду десять дней». Или под 1159 годом: «Бродишася по нем (Изяславе Давыдовиче) за Десну, Святослава оба и Рюрик, и отшедше за днище и не обретше его». Новгородцы в 1147 г. выходили навстречу к Изяславу Мстиславичу, одни «три днищъ, другие днище от Новгорода». Упоминаются взятия городов копьём (приступом) и взятия *на щит* (сожжение, разграбление, плен, истребле-

ние жителей): нет права думать, чтобы там, где упоминается взятие на щит, непременно прежде было взятие приступом. При осадах городов почти никогда не упоминается о машинах, стенобитных орудиях, подкопах; обыкновенно говорится, что город обступали и бились с осажденными у ворот. Раз говорится в Псковской летописи под 1065 годом, что Все-слав полоцкий приходил под Псков, и много трудился, и *по-роками шибав*; но Псковская летопись позднейшего составления, и притом означенное выражение у псковского летописца форменное. Осады продолжались от двух дней до десяти недель, более продолжительных осад не видим. Изо ста с чем-нибудь случаев, где говорится о нападениях на города, один только раз упоминается о взятии копьем, раз двадцать девять о взятии на щит, опустошении городов, раз сорок о сдаче и просто о занятии городов, причем раза три употребляется выражение, что города были заняты внезапно, *изъездом*; раз семь осажденные должны были принимать условия осаждающих, раз пять говорится просто о мире, последовавшем за осадой, наконец раз двадцать пять упоминаются осады неудачные. Здесь, разумеется, нам было бы очень важно знать число войск во время походов и осад; к сожалению, мы встречаем об этом предмете очень скудные известия в летописях; под 1172 годом встречаем известие о битве русских с половцами: у поганых, сказано, было 900 копий, а у Руси 90; но число копий не означает числа всего войска, ибо после сказано, что победивши половцев (900 ко-

пий), русские взяли у них в плен 1500 человек, других перебили, а некоторые убежали. Из связи целого рассказа можно сделать некоторые соображения: прежде говорится, что когда русские, перехвативши половецких сторожей, спросили у них: «Много ли ваших назади», то те отвечали, что 7000, русские пошли против этого семитысячного отряда, разбили его, и когда спросили у пленных: много ли еще ваших назади, то те отвечали: «Теперь большой полк идет»; – и в этом-то большом полку насчитывалось 900 копий, следовательно полк, насчитывавший в себе 900 копий, имел всех ратников в себе гораздо более 7000, ибо относился к семитысячному отряду, как большой полк. Русский полк, состоявший из 90 копий, считали маленьким отрядом, так что старшему князю неприлично было им предводительствовать. Когда великий князь Святополк Изяславич в 1093 году объявил киевским боярам, что у него 800 своих отроков, которые могут стать против половцев, то бояре отвечали: «Если бы ты набрал и 8000, то недурно было бы, потому что наша земля оскудела». Это известие о 800 (по некоторым спискам 500) отроков может указывать нам на число собственной служни княжеской, которую должно отделять от других составных частей дружины – бояр и гридей. Когда Мономах выехал из Чернигова в Переяславль перед Олегом, то у него не было и ста человек дружины, но это было после бедственного сражения с половцами, где Мономах так много потерял своего войска; Игоревичи перебили в Галиче 500 бояр. Великий Новгород

во второй половине XII века мог выставлять 20000 войска; Северная Русь – области: Новгородская, Ростовская с Белозером, Муромская и Рязанская могли выставить 50000; на Липецкой битве из войска младших Всеволодовичей погибло 9233 человека, взято в плен только 60 человек, но были, кроме того, и спасшиеся бегством, некоторые потонули в реках. Здесь, разумеется, не должно упускать из внимания того, происходили ли войны соединенными усилиями нескольких княжеств или два князя боролись с одними собственными силами: если мы предположим, что Южная Русь могла выставить около 50000 войска, то мы должны разделить это количество на шесть частей по областям (Черниговская, Переяславская, Смоленская, Туровская, Волынская, Киевская), а если борьба шла между князьями одной из этих областей, например между черниговским и северским, то мы не можем предположить, чтобы каждый из них мог вывести в поле больше 5000 войска. Но, с другой стороны, должно заметить также, что во всех почти войнах принимали участие толпы диких половцев и своих черных клобуков, так, например, на помощь Всеволоду Ольговичу в 1127 году пришло 7000 половцев; на помощь Изяславу Давыдовичу пришло 20000 половцев. Наконец, в Никоновском списке встречаем известие, что в 1135 году Всеволод Мстиславич новгородский имел в своем войске немцев; на юге под 1149 годом упоминаются также немцы в русском войске.

И в описываемое время встречаем известие о богатырях;

и в этот период человек благодаря физической силе мог выделиться, приобрести особенное значение и давать победу тому или другому князю; к богатырям, как видно, питали особенное уважение, называли их *людьми божьими*. Замечателен рассказ летописи под 1148 годом о богатыре Демьяне Куденевиче. Этот богатырь жил в Переяславле Южном у князя Мстислава Изяславича в то время, когда сын Юрия Долгорукого, Глеб, хотел врасплох напасть на Переяславль. Узнавши о приближении Глеба, князь Мстислав отправился немедленно к Демьяну и сказал ему: «Человек божий! теперь время божьей помощи и пречистой богородицы и твоего мужества и крепости». Демьян тотчас же сел на коня со слугою своим Тарасом и пятью молодыми отроками, потому что остальные разошлись неизвестно куда. Богатырь выехал из города, встретил князя Глеба Юрьевича на поле у посада, с яростию напал на его войско и многих убил нещадно. Князь Глеб испугался, побежал назад, а Демьяну Куденевичу послал сказать: «Я приходил на любовь и на мир, а не на рать». Но скоро Глеб с половцами пришел опять к Переяславлю, Демьян один выехал из города без доспехов, перебил много неприятелей, но сам был пострелен во многих местах от половцев и в изнеможении возвратился в город. Князь Мстислав пришел к нему, принес много даров, обещал дать волости; богатырь отвечал ему: «О суета человеческая! кто, будучи мертв, желает даров тленных и власти погибающей!» С этими словами Демьян уснул вечным сном, и был по нем

плач великий во всем городе. В рассказе о Липецкой битве упоминаются также богатыри, бывшие на стороне Мстислава торопецкого. В рассказах о Калкской битве говорится, что тут пало 80 храбрецов, или богатырей.

Обратимся теперь к народонаселению городскому и сельскому. Русская земля в самом обширном смысле слова, т. е. все русские владения, разделялась на несколько отдельных земель, или волостей: Русская земля (в тесном смысле, т. е. Киевская), Волынская, Смоленская, Суздальская и т. д.; слово волость, власть означало и княжение (власть), и княжество (владение, область). Между словами: *волость* и *земля* можно, впрочем, заметить различие: *земля* имела чисто географическое значение, тогда как волость содержит в себе всегда значение зависимости известного участка земли от князя или главного города; в этом смысле название волости носит окружающая земля в противоположность городу, и жители ее в противоположность горожанам; Новгородская земля есть Новгородия, земля, обитаемая новгородцами, как Польская земля есть Польша, Чешская земля – Богемия; Новгородская же волость означает земли, подведомственные, подчиненные Новгороду Великому. Переход слова «власть» (волость) от означения владеющего к означению владеемого был очень легок: князь, старший город были власти, владели окружающими населенными местами, здесь была их власть, эти места были в их власти, они были их власть. Первоначально, до призвания Рюрика, летописец указывает нам пле-

мена, независимые друг от друга: это видно из его слов, что каждое племя имело *свое* княжение; встречаем сначала и названия земель от имени племен, например Деревская земля; следовательно можно думать, что первоначально границы земель соответствовали границам племен. Но, с тех пор как началась деятельность князей Рюриковичей, это совпадение границ было нарушено, и в последующем делении земель или волостей между князьями мы не можем отыскать прежнего основания: так, земля Новгородская включает в себе землю и славян и кривичей, земля Полоцкая – землю кривичей и дреговичей, Смоленская – кривичей и радимичей, Киевская – полян, древлян и дреговичей. Черниговская – северян и вятичей. Уже самая перемена названий, исчезновение имен племенных, замещение их именами, заимствованными от главных городов, показывает нам, что основание деления здесь другое, а не прежнее племенное. Несмотря, впрочем, на то, что явилось новое могущественное начало, власть княжеская, под влиянием которой, несомненно, совершился переход народонаселения из племенного быта в областной, прежнее значение древних главных городов не утратилось для окружного народонаселения, чему, разумеется, прежде всего способствовала первоначальная неопределенность отношений городского народонаселения к князьям, неопределенность, преимущественно зависевшая от родовых княжеских отношений, от частого перехода князей из одной волости в другую: при спорности прав княжеских относительно

наследства, при усобицах, отсутствия князей волости необходимо должны были смотреть на главные, старшие города, сообразоваться с их решением. Отсюда главные, древние, старшие города в волости удерживают относительно последней, относительно младших городов или пригородов значение властей, называются *властями*: «Новгородцы изначала, и смолняне, и киевляне, и полочане, и все власти, как на думу, на веча сходятся, и на чем старшие положат, на том пригороды станут», – говорит летописец. Таких мест летописи, из которых можно было бы узнать об отношениях младших городов в волости к старшим, очень мало; тут же в рассказе летописца под 1175 г. видим, что ростовцы считают себя в праве посадить посадника в пригороде своем Владимире, и владимирцы потом, утесненные Ростиславичами, обращаются с жалобою к жителям старших городов – ростовцам и суздальцам. Летописец Новгородский сообщает нам также несколько скудных известий об отношениях Новгорода к своим пригородам, преимущественно Пскову и Ладоге. Мы не можем искать первоначальных пригородных отношений Пскова к Новгороду в дорюриковское время: Псков был городом совсем другого племени, племени кривичей; мы не знаем, каким образом Псков получил значение главного места в окружной стране вместо Изборска или Словенска (как он называется в Псковской летописи), стольного города Труворова; но как бы то ни было, мы не имеем права предполагать зависимости изборских кривичей от славян новгород-

ских во время призвания князей и думать, что позднейшая зависимость Пскова от Новгорода была следствием этой давней зависимости. Весь белозерская, подобно кривичам изборским, участвовала в призвании князей, среди нее утвердил свой стол второй брат Рюриков, Синеус, и, однако, потом Белозерск отошел от Новгорода к области другого княжества. Поэтому с достоверностью можно положить, что зависимость Пскова от Новгорода началась во время князей и вследствие княжеских отношений. Братья Рюрика, по свидетельству летописца, скоро умерли, и Рюрик принял один всю их волость; следовательно, страна изборских кривичей вместе со Псковом подчинилась, по смерти Трувора, Рюрику, утвердившему стол свой в Новгороде, который поэтому стал главным городом, правительственным средоточием во всей стране, признававшей своим князем Рюрика. Вот где должно искать начала зависимости Пскова от Новгорода, или, лучше сказать, от власти, пребывающей в Новгороде: князь новгородский был вместе и князем псковским и назначал во Псков своего посадника: отсюда обычай брать Пскову всегда посадника из Новгорода. В 1132 году по случаю сильной смуты вследствие отъезда князя Всеволода Мстиславича в южный Переяславль псковичи и ладожане пришли в Новгород и здесь получили для себя посадников. В 1136 году новгородцы, вздумавши передаться Ольговичам, призвали псковичей и ладожан. Это известие показывает, что старшие города не решали иногда важных дел без ведома пригородов; говорим

иногда, потому что при неопределенности тогдашних отношений не имеем права из одного или двух известий заключать, что так необходимо всегда было. Под 1148 годом встречаем известие, что великий князь Изяслав Мстиславич, приехавши в Новгород, созвал вече, на которое сошлись новгородцы и псковичи: пришли ли псковичи и на этот раз нарочно, по случаю приезда великого князя, или сошлись на вече псковичи, бывшие тогда по своим делам в Новгороде, – решить нельзя. Неопределенность этих отношений видна уже из того, что иногда являются псковичи и ладожане, иногда одни псковичи, о жителях других пригородов не встречаем ни малейшего упоминования. Та же неопределенность в отношениях старших городов к младшим и в земле Ростовской: по смерти Боголюбского ростовцы, суздальцы, переяславцы и *вся дружина* от мала до велика съезжаются на совещание к Владимиру и решают призвать князей; дружина владимирская по приказанию ростовцев присоединяется также к дружине означенных городов, но остальное народонаселение владимирское противится, не желая покориться ростовцам, которые грозят распорядиться Владимиром, как своим пригородом; потом владимирцы, притесненные Ростиславичами, обращаются с жалобою к ростовцам и суздальцам вместе, а не к одним ростовцам, точно так, как на совещание собираются ростовцы, суздальцы, переяславцы, владимирцы, а о других городах не упоминается.

Мы видели, что летописец жителей старых городов назы-

вает властями, которые, как и на думу, на вече сходятся, и решение их принимают жители младших городов или пригородов; летописец говорит здесь о новгородцах наравне с киевлянами, смольнянами, полочанами, следовательно, мы не имеем права в описываемое время резко выделять новгородский быт из быта других значительнейших русских городов. Как в других городах, так и в Новгороде вече является с неопределенным характером, неопределенными формами.

Слово *вече* означало неопределенно всякое совещание, всякий разговор, всякие переговоры, а не означало именно народное собрание, народную думу. Мы видим, что князья сами созывают вече, имея что-нибудь объявить гражданам, обыкновенно вече созываются князьями для объявления войны, похода гражданам. Созывалось вече обыкновенно по звону колокола, откуда и выражение *сзвонить* вече; собиралось оно на известных местах, удобных для многочисленного стечения народа, например в Новгороде на дворе Ярославовом, в Киеве на площади у св. Софии. В начальном периоде нашей истории мы видим, что князь собирает на совет бояр и городских старцев, представителей городского народонаселения; но теперь, когда народонаселение в городах увеличилось, роды раздробились, то место собрания старцев, естественно, заступило общенародное собрание, или вече; мы видим иногда в летописи даже составные части вече, указывающие, что оно именно заменило прежний совет дружины и старцев: так, великий князь Изяслав созвал на

вече бояр, всю дружину и киевлян; в одном списке летописи читаем, что народ стал на вече, а в другом, что киевляне *сели* у св. Софии; в обоих говорится, что сошлось многое множество народа, сошлись все киевляне от мала до велика. Видим, что вече собирается в важных случаях для города, например, после потери князя, когда граждане оставлены самим себе, как то случилось с владимирцами на Волыни в 1097 г.; в крайней опасности, как, например, когда в том же году Ростиславичи послали сказать тем же владимирцам, что они должны выдать злодеев, наустивших князя Давыда ослепить Василька. Наконец, вечем называется всякое собрание недовольных граждан против князя или другого какого-нибудь лица. На такие вече начали смотреть после, как на заговоры и восстания, когда в Северо-Восточной Руси точнее определились отношения; новгородцы в глазах северо-восточного народонаселения являются *вечниками* — *крамольниками*, вече принимает значение крамолы, волнения народного. Но иначе смотрели на это в описываемое время; в 1209 году сам Всеволод III дал новгородцам позволение управиться с людьми, заслужившими их негодование, и летописец говорит при этом, что великий князь отдал новгородцам их прежнюю волю любить добрых и казнить злых. Но если, с одной стороны, нельзя резко выделять новгородский быт из быта других старших городов, то, с другой стороны, нельзя также не заметить, что в Новгороде было более благоприятных условий для развития вечевого быта, чем где-ли-

бо: князья сменялись чаще по своим родовым отношениям и тем чаще вызывали народ к принятию участия в решении самых важных вопросов; народ этот был развитее вследствие обширной торговой деятельности, богатство способствовало образованию сильных фамилий, которые стремились к более самостоятельному участию в правительственных делах, а между тем главная сцена княжеской деятельности была далеко на юге, сильнейшие князья не имели ни охоты, ни времени, ни средств заниматься новгородскими делами. Когда сильнейшие князья явились на севере, то сейчас же начали стеснять Новгород; но сначала южные князья были еще сильны, и Новгород мог найти у них защиту от северных. Новгород имеет дело с младшими князьями, другие города со старшими, сильнейшими; из этого уже прямой вывод, что вечевому быту было легче развиваться в Новгороде, чем в других городах.

Мы объяснили явление веча и усиление его значения в некоторых городах исторически из известных условий времени. Но есть свидетельство, что Новгород пользовался какими-то особенными правами, утвержденными для него грамотою Ярослава I; какого же рода была эта грамота? Из условий, в соблюдении которых последующие великие князья клялись новгородцам, мы можем иметь полное понятие о правах последних: главное, основное из этих прав есть право сопоставлять с князем посадника; посмотрим, можно ли уступку этого права отнести ко временам Ярослава I.

Главною обязанностью князя в Новгороде, как и везде, была обязанность верховного судьи, при исполнении которой он соображался с законами, имевшими силу в городе. Если бы князь родился, воспитывался и постоянно жил в Новгороде, то он знал бы обычаи и все отношения своей родины и умел бы изменять их, сообразуясь с требованиями. Но князья сменялись беспрестанно; они приходили из стран отдаленных, из областей – Киевской, Волынской, Смоленской, Черниговской, Суздальской; князья-пришельцы не имели понятия об обычаях новгородских, точно так, как новгородцы не знали обычаев других русских областей; отсюда в суде княжеском должны были происходить беспрестанные недоразумения. Для отвращения таких неудобств новгородцы требовали от всякого нового князя, чтоб он судил всегда в присутствии чиновника, избранного из граждан, знакомого со всеми обычаями и отношениями страны: «А без посадника ти, княже, не судити».

Вторым правом князя в Новгороде, как и везде, было право назначать правителей по волостям. Но мы видели, какую невыгоду в этом отношении имело для горожан частое перемещение князей с одного стола на другой; каждый приводил из прежней волости дружину, которая отстраняла старых бояр и возбуждала неудовольствие народа, поступая с новыми согражданами, как с чужими, спеша обогатиться на их счет. В Новгороде это неудобство было еще чувствительнее, ибо смена князей происходила чаще; отсюда второе главное

условие, чтоб князья назначали в судьи не своих мужей, но граждан новгородских; но так как беспрестанно сменявшиеся князья не могли знать граждан, достойных доверенности, и притом могли раздавать должности исключительно своим приверженцам, то сюда присоединялось необходимое условие, чтоб князь не раздавал волостей без посадника: «А без посадника ти, княже, ни волостей раздавати». Третьим правом князя было право давать грамоты, сообщать и скреплять своим именем известные права: и здесь князья-пришельцы не могли обойтись без руководства туземного сановника, ибо не знали обычных границ прав и могли вредить выгодам общественным в пользу частных лиц, к ним приверженных; отсюда третье необходимое условие: «А без посадника, княже, ни грамот ти даяти».

Беспрерывная смена князей, почти всегда враждебных друг другу, влекла за собою еще другие неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно, недоброжелательными глазами смотрел на все, сделанное последним: чиновники, назначенные Ольговичем, естественно, не нравились Мономаховичу, грамота, данная Мстиславичем, должна была являться незаконною в глазах Юрьевича; отсюда каждая перемена князя влекла за собою перемену чиновников и лишение приобретенных прав; для отвращения этого неудобства каждый новый князь обязывался, во-первых, не лишать никого без суда, без вины, должностей, во-вторых, не пересуживать грамот, дан-

ных предшественником: «А без вины ти, княже, мужа без вины не лишити волости, а грамот ти не посужати». Но посадник был лицо, необходимое при каждом суде и пересуде. Если теперь сопоставление с князем посадника есть главная отмена новгородского быта, главное право Новгорода, и если это право уступлено ему Ярославом I, то посадник тотчас же после уступки права должен явиться в качестве чиновника народного, ограничивающего власть князя; но из обзора событий мы видим, что посадник с таким характером является в Новгороде гораздо позднее: Мономах и сын его Мстислав посылают в Новгород посадников из Киева. Из этого мы должны заключить, что первоначально посадник новгородский был то же самое, что впоследствии наместник — боярин, присылаемый великим князем вместо себя из Твери или из Москвы. Но какое же значение имели в Новгороде посадники, присылаемые из Киева Мономахом и сыном его, когда в Новгороде и без них был уже князь, именно сын Мстислава, Всеволод; какое значение имел посадник при князе, как чиновник последнего, а не туземный? Естественно, что он был помощником князя, помогал ему в суде, исполнял его приказания, преимущественно же заступал место князя во время отсутствия последнего: возможность существования посадника при князе доказывает нам пример Полоцка. Теперь остается решить вопрос: когда и как посадник из чиновника княжеского стал городовым? Если главная обязанность посадника состояла в том, чтоб заменять князя на вре-

мя его отсутствия из города, то посадник всего более был необходим в том городе, где отсутствие князя случалось чаще; но мы знаем, что всего чаще сменялись князья в Новгороде. Если князь сменялся вследствие недовольства, то до прибытия нового необходим был посадник, который бы заступал его место; но мог ли оставаться посадником чиновник изгнанного князя? Смена князя необходимо влекла за собою и смену его посадника; но кто же будет заступать княжеское место до прибытия нового князя? Необходимо было избирать посадника городом. Впрочем, и после, когда в городе находился князь, назначение посадника не изъято было совершенно из-под его влияния: князь избирал посадника вместе с городом. Если посадник сперва был назначаем князем, то срок отправления его должности, естественно, зависел от воли князя; впоследствии, когда посадник стал чиновником городовым, то он сменялся по воле города, смотря по обстоятельствам, мы видели, что посадники постоянно сменяются вследствие смены князей, вследствие торжества той или другой стороны, причем иногда старые посадники вступают снова в должность настоящих, или степенных. Один только раз встретили мы указание, что при избрании в посадники при всех равных обстоятельствах обращалось внимание на старшинство: так, в 1211 году Твердислав уступил посадничество Димитрию Якуничу, потому что последний был страшнее его. Иногда видим, что посадник, сверженный в Новгороде, шел посадничать в пригород, причем случалось,

что пригорожане не принимали его, опять, вероятно, по отношениям своим к городским партиям; но при этом легко заметить, что посадники избираются обыкновенно из одного известного круга боярских фамилий. Все вышесказанное о превращении посадника из чиновника княжеского в городского объясняется примером тысяцкого. Тысяцкий существует везде подле князя в качестве его чиновника; в летописи встречаем известия, что такой-то князь дал тысячу такому-то из своих приближенных: в Новгороде и этот чиновник вместе с посадником стал подлежать народному избранию.

Если право сопоставлять с князем посадника не могло быть уступлено Новгороду Ярославом I, произошло во времена позднейшие, то нельзя отнести ко временам Ярослава I и других условий, встречаемых в договорных новгородских грамотах с великими князьями, например: «Из Суздальской земли тебе Новгорода не рядить и волостей не раздавать», или: «А на Низу, князь, новгородца не судить», ибо мы знаем, что Мономах рядил Новгород, судил новгородцев и раздавал волости из Киева. К этому должно прибавить еще, что сами новгородцы, требуя от великих князей клятвы в соблюдении вышеозначенных условий и приводя в пример прежних князей, дававших подобную клятву, нигде, однако, не упоминают имени Ярослава I. Приведенное обстоятельство тем более важно, что в других случаях новгородцы именно указывают на грамоты Ярославовы. О содержании этих грамот мы должны заключить по обстоятельствам, в которых

они упоминаются. В 1228 году новгородцы поссорились с князем своим Ярославом Всеволодовичем за то, что он поступил не по грамотам Ярославовым, а именно, наложил новую пошлину и посылал судей по волостям. На следующий год прибыл к ним князь Михаил и целовал крест на всех грамотах Ярославовых, вследствие сего тотчас же сделал финансовое распоряжение, а именно дал свободу смердам на пять лет не платить дани. В 1230 году Ярослав, снова призванный, уступил новгородцам и целовал крест на всех грамотах Ярославовых. В 1339 году, когда великий князь Иоанн Данилович прислал требовать у новгородцев ханского запроса, то они отвечали: «Того у нас не бывало от начала мира, и ты, князь, целовал крест к Новгороду по старой пошлине и по Ярославовым грамотам». Вот все случаи, где новгородцы упоминают о грамотах Ярославовых. Видя, что во всех этих случаях дело идет о финансовых льготах, можно заключать, что льготные грамоты Ярославовы касались только финансовых постановлений, и точно, в летописи встречаем известие, что новгородцы получили подобную грамоту от Ярослава I. В одной только Степенной книге сказано, что Ярослав I дал новгородцам позволение брать из его племени себе князя, какого захотят. Но, во-первых, новгородцы никогда не упоминают об этом праве, полученном ими от Ярослава I, например когда они не хотели принять к себе Святополкова сына на место любимого ими Мстислава, то им прежде всего следовало бы указать на это право, но они молчат о нем,

а указывают другие причины, именно уход Святополка от них и распоряжение великого князя Всеволода. Во-вторых, в летописях читаем, что новгородцы освобождены прежними князьями, прадедами князей, а не Ярославом, что потом подтверждается и в самой Степенной книге. Соображая все обстоятельства, можно с вероятностью положить, что особенности в быту Новгорода произошли мало-помалу, вследствие известных исторических условий, а не вследствие пожалования Ярославова, о котором, кроме Степенной книги, не знает ни одна летопись.

Что касается до внешнего вида русского города в описываемое время, то он обыкновенно состоял из нескольких частей: первую, главную, существенную часть составлял собственно город, огороженное стенами пространство; впоследствии времени около города образуются новые поселения, которые также обводятся стенами; отсюда город получает двойные укрепления: город внутренний (днешний) и город наружный (окольный, кромный), внутренний город носил также название детинца, внешний – острога; поселения, расположенные около главного города, или детинца, назывались *передгородием*. Стены бывали каменные и деревянные (преимущественно) с дощатыми заборалами, башнями (вежами) и воротами, которые носили названия или по положению в известную сторону, например Восточные, или по украшениям, например Золотые, Серебряные, или по тем частям города, к которым прилегали, по их народонаселению, например

в Киеве были ворота Жидовские, Лядские, или по церквам, которые находились в башнях над воротами или, быть может, даже по образам, или наконец по каким-нибудь другим обстоятельствам, например Водяные в новгородском Детинце, выводящие к реке, и т. п. Упоминаются два вала, и место, находящееся между ними, носит название *болонья*. Передгородие разделялось на концы, концы – на улицы. Городское строение было тогда исключительно деревянное, церкви были каменные и деревянные; что касается до количества церквей в городах, то в Новгороде с 1054 года по 1229 построено было 69 церквей, из которых 15 были, наверно, деревянные, ибо о них или прямо *сказано* так или сказано, что они были срублены; из остальных о некоторых прямо сказано, что они были каменные, о других же ничего не сказано; в число 69 включены и церкви монастырские; нельзя думать, чтобы до 1054 года находилось уже очень много церквей в Новгороде; это количество церквей во втором по богатству (после Киева) русском городе может дать нам приблизительное понятие о количестве церквей в Киеве. Из городских построек летописи упоминают о мостах деревянных, которые разбирались; Новгородская летопись упоминает о построении мостов через Волхов; в Киеве Владимир Мономах устроил мост через Днепр в 1115 г. Из общественных зданий в городе памятники упоминают о тюрьмах или погребках: о постройке их узнаем, во-первых, то, что у них были окна (небольшие оконцы): дружина Изяславова советовала этому князю подо-

звать заточенного Всеслава полоцкого к оконцу его тюрьмы и убить; описывая освобождение Игоря Ольговича из тюрьмы, летописец говорит, что великий князь Изяслав приказал «над ним поруб розоимати, и тако выяша из поруба вельми больнаго и несоша у келью». В Степенной книге при описании чудес св. Бориса и Глеба читаем, что великий князь Святополк Изяславич посадил двух человек в тюрьму без исследования вины их, по клевете, и, посадивши, позабыл о них. Они молились св. Борису и Глебу, и в одну ночь – «дверем сущим погребным заключенным, лестницы же вне лежащи извлечены», – один из узников чудесным образом освободился от оков и, явившись в церковь, рассказал всем об этом; отправились к тюрьме – «и видеша ключи неврежены и замок, лестницу ж, по ней же восходят и исходят, вне лежащу». Каждый город имел торговые площади, торги, торговища; из летописи известно, что торги производились по пятницам.

Вследствие почти исключительно деревянного строения в городах пожары должны были быть опустошительны: в Новгороде от 1054 до 1228 года упоминается одиннадцать больших пожаров: в 1097 году погорело Заречье (он-пол) и детинец; в 1102 году погорели хоромы от ручья мимо Славна до церкви св. Илии; в 1113 погорел он-пол и город Кромный; в 1139 погорел торговый пол, причем сгорело 10 церквей; в 1144 погорел холм; в 1152 погорел весь торг с осьмью церквами и девятою Варяжскою, т. е. Латинскою; в 1175 сгорели три церкви; в 1177 погорел Неревский конец с пя-

тью церквами; в 1181 две церкви и много дворов; в 1194 году летом в неделю на Всех святых загорелся один двор на Ярышеве улице, и встал пожар сильный: сгорело три церкви; потом перекинуло на Лукину улицу; на другой день сгорело еще 10 дворов; в конце недели еще новый пожар: сгорело семь церквей и дома большие, после чего каждый день загоралось местах в шести и больше, так что люди не смели жить (жировать) в домах, а жили по полю; потом погорело Городище и Людин конец; пожары продолжались от Всех святых до Успеньева дня; в том же году погорела Ладога и Руса. В 1211 году сгорело в Новгороде 15 церквей и 4300 дворов; в 1217 погорело все Заречье, кто вбежал в каменные церкви с имением, и те все сгорели со всем добром своим, в Варяжской божнице сгорел весь товар немецких купцов, церквей сгорело 15 деревянных, а у каменных сгорели верхи и притворы. Из других городов упоминается под 1183 г. сильный пожар во Владимире Кляземском: сгорел почти весь город с 32-мя церквами; в 1192 году сгорела половина города с 14 церквами; в 1198 году опять сильный пожар в том же городе: сгорело 16 церквей и почти половина города; в 1211 году погорел Ростов едва не весь с 15 церквами; в 1221 г. погорел весь Ярославль с 17 церквами; в 1227 погорел опять Владимир с 27 церквами, в следующем году новый пожар: сгорели княжие хоромы и две церкви. В 1124 году сгорел почти весь Киев, одних церквей погорело около шестисот (??). В 1183 году погорел весь Городец от молнии.

Мы сказали о внешнем виде русского города в описываемое время; теперь должны обратить внимание на его народонаселение. Мы видели, что в городах жила дружина со своими различными подразделениями; но от этой дружины явно различаются собственные граждане, горожане, так, например, явно различается дружина киевских князей и киевляне, владимирская дружина и владимирцы; на вечях киевляне отделяются от дружины. Из кого же состояла эта масса собственно городского народонаселения и как делилась она? Современные источники указывают нам в городах людей торговых и ремесленников, людей промышленных разного рода; о купцах не нужно приводить известий: они так часто встречаются в летописи; ростовцы называют жителей Владимира каменщиками, в Новгороде упоминается серебряник весец; в Вышгороде упоминаются огородники с их старейшиною; очень вероятно, что и в описываемое время, как впоследствии, люди, занимающиеся какою-нибудь одною отраслью промышленности, жили вместе на особых местах, имея своих старост или старейшин: название концов новгородских Плотницкий, Гончарский могут указывать на это. Встречаем известия о смердах в городах: думаем, что здесь должно разуметь под смердами простых людей, черных, чернь или даже вообще всех горожан в противоположность дружине; так, под 1152 годом читаем, что Иван Берладник осадил галицкий город Ушицу, куда вошла засада князя Ярослава и билась крепко, но смерды стали переска-

кивать через стенные забрала к Ивану, и перебежало их 300 человек; здесь смерды – жители Ушицы противопоставляются засаде, дружине княжеской: последняя билась крепко против Берладника, а смерды перебегали к нему. Как после, так и теперь, собственно городское народонаселение делилось на сотни, ибо кроме прямых известий, продолжаем встречать название соцких с важным значением; понятно, какое близкое отношение к собственно городскому народонаселению должен был иметь тысяцкий и в мирное и в военное время. Итак, начальствующими лицами в городе были: в стольном – князь, державший подле себя тиуна, в нестольном – посадник, державший также, вероятно, подле себя тиуна; тысяцкий, соцкие, десяцкие, старосты концов, улиц, старосты для отдельных промыслов; из лиц, употреблявшихся при управлении и суде, встречаем названия подвойских, биричей, ябедников; биричей и подвойских князь Изяслав Мстиславич посылал в Новгороде кликать народ по улицам, звать к князю на обед. Особых чиновников для сохранения порядка в городе, как видно, не было; в летописи под 1115 годом, при описании торжества перенесения мощей св. Бориса и Глеба, читаем, что Мономах, видя, как толпы народа, налегая со всех сторон, мешают шествию, приказал разметать народу деньги, чтоб он отхлынул в сторону. Кроме туземного народонаселения в некоторых торговых городах, преимущественно в Киеве и Новгороде, видим иноземное народонаселение, постоянное и временное (насельницы). В Новгороде

живут немецкие купцы, имеют свою особую церковь (божницу Варяжскую); в Киеве постоянно или по крайней мере в известное время видим жидов, живущих особым кварталом или улицею, отчего и ворота носят название Жидовских; Лядские ворота в Киеве указывают на Польский квартал или улицу; Латина упоминается в числе киевского народонаселения под 1174 годом.

Из волостного деления нам известно по-прежнему деление на погосты; встречаем известие и о станах: так, говорится, что Всеволод III ехал за своею дочерью до трехстанов; не знаем, имел ли уже в это время стан значение известного правительственного средоточия или еще означал только станцию; во всяком случае заметим, что значение стана совершенно совпадает с значением погоста, как оно объяснено выше: оба, и погост и стан, из мест временной остановки правителя сделались постоянным правительственным средоточием. Кроме городов, населенные места в волости носят название слобод (свобод) и сел; название слободы носило вновь заведенное поселение, пользующееся поэтому некоторою особенностью, некоторыми льготами, свободою от известных повинностей; из современных источников известно, что слободы, наравне с селами, могли быть в частном владении, могли приобретаться покупкою. Сельское народонаселение в противоположность городскому вообще называется смердами; но мы имеем полное право разделять сельское народонаселение на свободное и несвободное, находя-

щееся в частной собственности князя, бояр и других людей, ибо встречаем известия о селах с челядью, рабами; сказанное о положении наймитов и холопей в эпоху до смерти Ярослава I должно относиться и к описываемому времени; заметим только в Новгородской летописи выражение *одежень* в смысле полного холопа, что прежде выражалось словом *обельный*, *обель*. Кроме описанных слоев народонаселения в юго-восточных пределах русских владений, по границам княжеств Киевского, Переяславского, Черниговского, мы видим инородное народонаселение, слывущее под общим именем черных клобуков и под частными названиями торков, берендеев, коуев, турпеев; мы видели их значение, деятельность в событиях описываемого времени; из летописи видно, что они находились под властью своих князьков, каким был, например, известный Кондудей; видно также, что образ жизни их был полукочевой, полуоседлый; летом, по всей вероятности, они выходили в пограничные степи с вежами и стадами своими: так, в 1151 году они отпросились у Изяслава идти за своими вежами, стадами и семьями; но зимою жили в городах, которые, кроме того, были им нужны для укрытия семейств на случай неприятельского нападения; так, они говорят Мстиславу Изяславичу: «Если дашь нам по лучшему городу, то мы передадимся на твою сторону». Святослав Ольгович жаловался, что у него города пустые, живут в них псаря да половцы: можно думать, что под половцами он разумеет не диких, но своих поганых, черных

клобуков; торческий князь Чурнай жил в своем городе. Постоянное название *поганые*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.